

1.

В аэропорту Лимпопо есть кондиционер.

Возможно, это единственное место в стране, где он есть. Даже в советском посольстве, где доктор Айболит отмечался по прилете, только зудел вентилятор. От жары это не помогало, конечно. Толстый, весь мокрый от пота чиновник ожесточенно бухал печатью по дорожным документам.

Это было полгода назад.

Айболит нахмурился. Черт его дернул вернуться в эту дыру. Что есть в Лимпопо? Пыль, повсюду пыль – на траве, деревьях, домах, животных и людях. И жара. Белое невыразительное солнце рано-рано восходит над не остывшей со вчерашнего дня землей и начинает печь сызнава.

Вылечить здесь кого-то нереально. Даже если двигатель джипа не перегреется посреди бурых мертвых полей, где кишат и громко стрекочут жаростойкие кузнечики. Даже если беспечный шофер, на все вопросы и упреки отвечающий лишь виноватой улыбкой, не потеряет дорогу и не заедет в чахлые джунгли, перегороженные сухими лианами, которые даже мачете не берет... Даже тогда по прибытии на место чаще всего выясняется, что зверь мертв, и мертв уже не первую неделю. Местные жители в холщовых рубахах или туниках из тростника с такой же виноватой улыбкой, как и шофер, отведут бе-

лого иностранца к одной из своих плетеных хижин. С лицами, посерьезневшими вблизи смертной тайны, они откинут полог у входа и оставят доктора наедине с пациентом.

Но пациента уже и след простыл. В темноте и полной тишине хижины на пропахшей трупом циновке свернулось даже не тело, а окостеневшая кожа усопшего. Айболит видел ланей, успешших выцвести и вылинять в ожидании врача; плоские шкуры слонов, раздувшихся, а потом осевших, как дырявый воздушный шарик, под безразличным взглядом местных знахарей; львов, уменьшившихся до размера собаки, с вылезавшей клоками гривой. И червей, тоже успешших издохнуть во множестве, – тысячи белых свернувшихся комочков на теле, внутри и вокруг него. Как показал шофер, они хорошо горели – буквально испарялись при соприкосновении с пламенем, как тополиный пух.

Лечить здесь было некого и незачем. В украшенных колоннами больницах Москвы, в мраморно-бетонных клиниках Нью-Йорка, на ученых венских консилиумах только и говорили об ужасной эпидемии звериной лихорадки, будто бы свирепствующей в Лимпопо.

Но Айболит не видел никакой эпидемии – только скучные, завернутые в одеяла трупы. Болезнь убивала так быстро, а известия о ее вспышках приходили так медленно, что догнать ее и поймать с по-

Сначала доктор даже подумал, что сам заболел и бредит, но пингвин оказался настоящий. Он жил пустынником – каждое утро делал зарядку, перечитывал избранные главы из романа «Как закалялась сталь» (его единственной книги) и сокрушался о превратностях судьбы.

личным доктору было не под силу. И все же после каждого сообщения он бросался на зов лихорадки, прыгал в джип со своим верным саквояжем и целыми днями трясся по пыльным африканским ухабам, даже не надеясь на успех.

Неизвестно, что им двигало – врожденное упрямство или принципиальность врача; в любом случае, Айболит без толку объездил бесчисленные селения, спрятанные в душной тени джунглей, – многие из этих деревенок даже не были отмечены на самых подробных картах, а их жители в жизни не видели джипа и по старой колониальной привычке разбежались, заметив белого человека. А между селениями лежали километры разбитых дорог, высохших рек и болот, мертвых лесов. Они летели мимо, и вдруг мотор умирал, и машина останавливалась в неведомой глуши. Тогда казалось, что все кончено, но чудодейственные шаманские ритуалы шофера каждый раз возвращали механизм к жизни, и движение продолжалось.

Несколько раз фортуна, казалось, вознаграждала людей за упорство, и им удавалось добраться до выживших пациентов. Но вскоре выяснилось, что от них никакого толку. Звери успевали не только переболеть лихорадкой, но и забыть, когда они ею болели и какие были симптомы.

Не помогало и обследование. Слишком много диковинных тропических хворей на глазах по-

жирали тела пациентов, чтобы различить в их злокачественной путанице желанные следы лихорадки.

Трупы и вовсе не пригождались. Когда был найден первый из них – здоровенный пропитой орангутанг с кожей, посиневшей от огненной воды, – доктор решил отправить тело в местный институт медицины для обследования. Но тут появился шофер и объяснил, что для этого придется договариваться с лесозаготовочной компанией. Айболит забрал единственный институтский джип, так что труп придется передать людям, которые сплавляют лес вниз по реке.

Доктор отказался от своей затеи и не прогадал: потом директор института рассказывал, что холодильники морга тогда потекли, а ремонтник прибыл на самолете только через два месяца. Айболиту пришлось довольствоваться полевым вскрытием. Под скальпелем иссохший орангутанг раскрылся, как книга, но внутри ничего, кроме червей, не обнаружилось.

Этому факту очень огорчилась жена орангутанга, собиравшаяся продать тело мужа. Пока Айболит собирал инструменты, она прыгала вокруг машины, хватала доктора за рукав, причитала и показывала детей – шесть подслеповатых орангутанчиков, которые частью, вереща, путались под ногами матери, а частью висели у нее на шерсти. Когда джип тронулся, орангутаниха поскакала следом, потрясая над головой большим полиэтиленовым мешком, куда успела запихать остатки ее никому не нужного супруга.

Айболит сжалился и кинул за борт несколько долларов Лимпопо. Обезьяна запрыгала на месте, на лету хватая мятые, вручную отрисованные купюры.

– Сколько вы ей бросили? – поинтересовался шофер – Миллион... где-то, – ответил Айболит.
– Зря вы это сделали, – с уверенностью сказал шофер, а потом покачал головой, – ох уж мне эти женщины!

Погоня за лихорадкой продолжалась шесть месяцев. За это время Айболит успел повидать десятки дохлых зверей и множество живых. Никто ничего не знал о лихорадке, и об эпидемии никто не слышал.

– Передавали же на всю страну по радио, – говорил Айболит.

– Радио? – И собеседники только пожимали плечами.

За полгода в Лимпопо Айболит почернел от загара и смертельно устал. Что пора сворачивать операцию, он понял, когда в хижине из листьев на берегу илистой речушки Либонго встретил пингвина из Харькова.

Сначала доктор даже подумал, что сам заболел и бредит, но пингвин оказался настоящим. Он жил пустынною – каждое утро делал зарядку, перечитывал избранные главы из романа «Как закалялась сталь» (его единственной книги) и сокрушался о превратностях судьбы.

По трагической ошибке, по распределению его направили не в Антарктиду, а в Африку, в Лимпопо. Прибыв на место, пингвин сразу бросился в украинское посольство. Но там не было никого, кроме двух мелких чиновников, отказывавшихся хоть что-то предпринимать без согласия с отсутствующим начальством, а также уборщика-негра – он оказался выпускником омского танкового училища и еще одной жертвой ошибки при распределении: по неизвестной причине его отправили в уборщики, с чем он, правда, вскоре свылся.

– Да мне эти танки никогда и не нравились, – говорил он.

Этот самый негр-уборщик, растрогавшись при встрече с собратом по несчастью, рассказал, что начальство утром уехало полным составом на какую-то инспекцию, и подсказал, как их догнать.

В тот же день с помощью нового знакомого пингвин нанял моторку, отдав в качестве платы за проезд пиджак и шляпу (денег у него не было). После двух часов скольжения по гнилым водам реки Гменге он причалил у безлюдной станции, где пересел в пропахший бензином пикап. Водитель, толстощекий негр в синей рубашке, за время поездки не сказал ни слова – только подозрительно косился, не ободрал ли пассажир кожаный сиденья.

К вечеру они нагнали посла – у дороги расположился целый поезд из четырех джипов и одного УАЗа. Рядом, на выжженной солнцем поляне, сидело человек двадцать – мужчины и женщины. Очевидно, они недавно поели, а теперь с удовольствием тянули хором «Варшавянку». Пингвин бросил водителю подсумок с инструментами (тот уставился на них с очумелым видом) и прыгнул из машины навстречу родным звукам. Его радушно приняли – пообещали разобраться во всем, накормили, обласкали, утешили, напоили и взяли с собой.

– А потом, ночью, я, видимо, на ходу вывалился из машины, – закончил свой рассказ пингвин, – что поделать, пьяный был. Просыпаюсь на обочине, кругом – ни души, одни заросли. Я пару дней поблуждал по лесу и вышел к этой вот хижине. Так и жил тут до сих пор. Заберите меня отсюда, пожалуйста.

– Заберем, – решил Айболит.

– Спасибо! – обрадовался пингвин и тут же робко добавил: – Только водки мне не давайте, а то я делаюсь буйный.

2.

«Так зачем же я прилетел в Лимпопо?» – спросил себя Айболит, глядя сквозь пыльное окно на пустой аэродром.

Но ответ не был написан на сиреневых стенах ангаров, а причины, таившиеся в мозгу, будто выжгло африканским солнцем.

«Лечить животных по просьбе ООН», – вспомнил доктор, но тут же покачал головой. Нет-нет-нет, было что-то еще – настоящая причина. Но ее скрутило и раздавило тяжелой черной нервотрепкой последней половины года. «Шесть месяцев труда – и никакого толка. Но надо все-таки вспомнить».

Айболит знал о таких феноменах: совершенно здоровый человек вдруг теряет память. Любопытно – даже жаль, что в Лимпопо нет специалистов, с которым можно потолковать на эту тему. «Ерунда! – оборвал себя доктор. – Просто забыл, заработался. Вспомню еще».

Самолет опаздывал. Белый шар солнца медленно сползал за горизонт. Тускло-голубое небо темнело, а у крыш ангаров приобрело персиковый цвет. По взлетной полосе совершенно черный негритенок куда-то катил автомобильную покрывку.

Скрипнул стул.

Айболит обернулся. Кроме него, в зале ожидания были еще трое. На одном из стульев, прислоненных спинками к стене, сидел вдрызг пьяный некто в щегольском белом костюме. Лицо его было потным, черная немытая грива волос спуталась клоками. Над ним стояли и что-то втолковывали два крокодила – один в лимонного цвета брюках и розовой рубашке, а другой в мятой серой полицейской форме. Некто тупо уставился в линолеум пола и только иногда качал головой. На запястье крокодила в штатском тяжело висели золотые часы, под рубашкой виднелась золотая цепочка.

У окна на столике лежало несколько журналов с выцветшими обложками. Через корешки журналов были пропущены веревочки, концы которых были приклеены к столу монолитным, как бетон, куском жвачки.

Айболит взял в руки первое попавшееся издание – обложка его была почти белой. Уже почти стемнело, а лампа в зале ожидания не горела, так что для чтения доктору пришлось поднести открытый журнал к самому окну. Оказалось, он

французский и про авиацию. В статье на развороте сообщалось об устройстве закрюлок какого-то экспериментального гидроплана.

«Может, эти закрюлки уже ушли в массовое производство, пока этот журнал тут лежал, – подумалось Айболиту, – или наоборот, их послали к черту».

В эту минуту дверь на летное поле отворилась, и показался худощавый служитель при аэропорте. Он оглядел зал ожидания – его фигура четко вырисовывалась на фоне гаснущего неба. Потом служитель направился к троице и негромко заговорил. Крокодилы рассердились, стали задавать вопросы. Служитель невозмутимо отвечал. В это время пьяный в белом костюме уронил голову на грудь и заснул.

Наконец служитель оставил крокодилов и подошел к Айболиту.

– Что-то с самолетом? – спросил доктор.

– Да, сэр. Над морем шторм, вылет отложили. Самолет будет завтра в три часа дня.

Айболит кивнул. Крокодилы тем временем тормозили пьяного. Тот отзывался слабо.

– На сегодня я закрываю аэропорт, – сказал служитель, – вам придется ночевать в другом месте. Я попросил вон тех господ (служитель указал на крокодилов, тащивших бесчувственное тело к выходу) подвезти вас до гостиницы или посольства. Они согласились.

– Хорошо. Спасибо вам. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

З.

Когда Айболит вышел на стоянку, было уже совсем темно. Если бы фары микроавтобуса не горели, он бы его не заметил.

Айболит подошел к машине.

– Багаж? – спросили из окна.

– Только саквояж.

Цопнув, открылась боковая дверь. Доктор залез внутрь.

Дохнуло перегаром – незнакомец в белом спал на соседнем сиденье.

– Дверь закрывайте, – сказали с переднего места.

Айболит закрыл.

– Тото, – прозвучал другой голос.

Доктор догадался, что от него требуется, и поймал в темноте руку Тото, пожал. Металлически звякнуло: значит, Тото – это крокодил в гражданском.

– Моего брата зовут Коко. Он вам руки не пожмет, потому что за рулем. А рядом с вами Людвиг, но это не так важно...

Айболита осенила догадка.

– Тото, Коко... Тотоша и Кокоша? Из Лимпопо? Сын-вья Крокодила Крокодилыча?

– Разве вы знакомы?

– Я Айболит, – представился доктор, – я вас лечил в детстве.

– Айболит?! Черт побери, какая неожиданность, – развеселился Тото, – а я вас и не узнал! Сколько же лет прошло! Если б не вы, то нас бы сейчас не было... Ты слышишь, Кокоша? К нам пожаловал сам Айболит! Помнишь его? Помнишь, как мы отравились калошами?

– Помню, – раздраженно отозвался Коко, – очень приятно. Куда ехать-то?

– Как куда? К нам домой! – воскликнул Тото. – Пусть хоть чуток погостит. Айболит... Ничего себе сюрприз... Такая встреча!

Коко завел мотор, и машина тронулась с места.

– Мы тут недалеко живем, за городом, – заговорил Тото, – хотя кому я объясняю! Вы-то, наверное, помните!

– Да, помню, – ответил растроганный Айболит, – такая усадьба, в колониальном стиле. Двухэтажная.

...В голове закружились воспоминания – прощальный вечер; вальс, струящийся из освещенных окон в темный сад; дворецкие в белых перчатках...

– Все верно, двухэтажная! И почти не изменилась за эти... сколько прошло с тех пор? Тридцать лет?

– Около того, – не стал уточнять Айболит.

– М-да. Какими судьбами вас занесло в нашу глушь, доктор?

– Да так, работа.

...Глава семейства – могучий крокодил в смокинге. Знаток римского права и турецкой поэзии. И его жена. Его жена...

– Точно, работа! Как я сам не подумал. – Невидимый Тото звонко хлопнул себя по лбу. – Кто ж к нам отдыхать поедет! М-да. Зверюшек лечили?

...Ее кожа была удивительно мягкой, а цвета почти изумрудного. Она не любила золото. «Серебро благородней. Вы не находите, доктор?..»

– А вы не слышали? В Лимпопо была эпидемия лихорадки.

– Нет, в городе никто ничего не знает.

– Об этом говорили по радио.

– У нас радио никто не слушает. Больше патефоны. Что-то серьезное?

– Ничего. Просто беззвучно плакала, как все крокодилы.

«А ведь я предупреждал ее, что именно так все и будет», – подумал Айболит и спросил:

– И что было потом?

– Потом годы Нгубы кончились – эту сволочь наконец повесили. Правительство сменилось, новое поддержали за границей – потому оно до сих пор и держится. Ну и еще всем драться надоело, прятаться по лесам с семьями и оружием.

– А как умерла мать?

Тото подставил руку под подбородок.

– После того как умер отец, мама каждый день ходила сидеть на скамейку, которая осталась от нашего сада, а сам сад сгорел в гражданскую. Вы, может, помните эту скамейку – она стоит лицом к лесу.

«Там мы беседовали о Шиллере, о будущем Лимпопо, там я во всем признался», – подумал Айболит и сказал:

– Кажется, припоминаю.

– Ну и вот. Я говорил маме, что тени там не осталось и сидеть вредно, но она не слушала. Тогда мы поставили там зонтик. В общем, мама каждый день туда ходила и о чем-то своем думала. Или не думала – ее трудно было понять. А однажды так и умерла на скамейке. Не пришла к обеду, осталась сидеть. Маришка подумала, что мама заснула или там удар солнечный – а она умерла. Вот так.

– Я ничего об этом не знал, – пробормотал Айболит, – соболезную.

– Ничего страшного. – Тото утер рот салфеткой. – Это было давно. Мать умерла больше пяти лет назад. М-да. Хотите, я отведу вас на ее могилу?

5.

Родители Тото и Коко были похоронены недалеко от дома – если бы сад остался цел, то они бы покоились на его краю. Но сада не было – два надгробья торчали на выжженном солнцем поле.

– Отец велел похоронить его здесь, – объяснил Тото, – это были годы Нгубы, а отца записали в предатели. Его бы не допустили на городское кладбище. А мама потом завещала, чтобы ее хоронили рядом с отцом.

Айболит присел на корточки, погладил шершавое надгробье. Хлынувшие воспоминания прижухли было от соприкосновения с реальностью, но пробили преграду, снова расцвели, выхлестываясь наружу. Доктор почувствовал себя слабым и маленьким.

– Я любил вашу маму, – сказал он.

– Ее все любили. Она была очень добра, – меланхолично кивнул Тото, засунув руки в карманы брюк.

– Я был в нее влюблен, – уточнил Айболит, глядя в гробовой камень и уже жалея, что сказал, – впрочем, она не ответила мне взаимностью. Тото замялся.

– На обратном пути с аэродрома надо будет кой-какие заказы развезти. Пойду разыщу коробки. Не буду мешать. Когда будет готов обед, я вас позову.

– Спасибо.

Тото быстро зашагал прочь.

– Простите! – крикнул ему вслед Айболит. – Пожалуйста, забудьте, что я здесь говорил!

Тото даже не обернулся и ушел. Айболит остался один. В поле трещали кузнечики. Доктор снова вернулся к надгробью.

– Бедная, бедная. Как тебя предали дети... Такой грубый камень, ни цветов, ни оградки... И меня прости, дорогая. Я совсем забыл о тебе.

«А ведь я так желал тебя, так любил! Со слезами просил бросить все это чертово Лимпопо со всеми его тараканами! А когда вы были в России, умолял не уезжать. Стоял на коленях, скандалил, шантажировал... Скулил. Страшал: говорил вещи подлые, вещи ужасные, оттого втрое ужасные и горькие, что правда, все до единого слова – что в Лимпопо будет гражданская война, а муж твой слаб и позиции его шатки... И много, много другого мерзкого, позорного, страшного... Я надеялся этой черной силой сломить тебя, чтоб ты бросила все и стала моей навсегда – только этого я и жаждал... Но ты сказала ласково и спокойно: «Не унижайтесь, доктор. Я безмерно вас уважаю, но люблю – мужа. Оставим этот разговор». И тогда сломался я. А ты осталась со мной доброй и чуткой, будто ничего этого не было, будто бы я не оскорблял тебя, все самое для тебя святое – твоего мужа, твоих детей, твою страну...»

Поле было желтым в жухлых, приземистых травах. Впереди белела мраморная скамейка, а за ней – темная полоса леса.

«Ты всегда была сильнее меня и так нужна мне, так необходима – нужнее воды и воздуха. Почему же я тебя забыл?»

6.

Через пару часов Тото позвал к обеду. По дороге в дом он показал доктору круглые вмятины в стенах. «Вот сюда они и стреляли, эти партизаны», –

говорил он беззлобно и засовывал зеленый палец в углубление, оставленное пулей.

К обеду подвехал на ржавой легковушке с мигалкой и громкоговорителем на крыше Коко. Он не сказал ни слова – сразу же потопал к столу и жадно накунулся на обед. Тот с Айболитом втянулись в торопливый ритм работы его челюстей и закончили с трапезой быстро. Потом Коко поменял пропотевшую в участке рубашку на свежую, поднесенную Маришкой. После этого братья грузили коробки в микроавтобус. Затем тащили в машину еще спящего Людвиг.

По дороге молчали. Только под слоем картона звякала на ходу какая-то техника.

К прибытию микроавтобуса самолет уже серебристо сверкал на взлетной полосе. Служитель при аэропорте проводил их. Крокодилы с помощью второго пилота внесли Людвиг на борт и пристегнули к креслу.

– Ну что, полетели? – спросил краснолицый капитан у Айболита.

– Пожалуй, – ответил тот.

Крокодилы вручили доктору портативный телевизор с надписью PИCКЮ, сухо попрощались и ушли. Ушел и служитель.

– А этот кто? – спросил второй пилот, указывая на спящего в белом костюме.

Айболит только пожал плечами.

– Полетели! – И капитан хлопнул в ладоши. – Поскорей бы. Ненавижу Лимпопо.

– Я тоже, – согласился доктор.

Пилот улыбнулся и кивнул.

...Загудел мотор, завращались на крыльях пропеллеры. Самолет медленно задвигался, развернулся на полосе, стал набирать скорость, побежал, побежал – и полетел.

Айболит выбрал место подальше от Людвиг. В салоне было душновато. В кабине пилоты тихо переговаривались, жали на какие-то кнопки, шелкали неведомыми переключателями...

«Зачем я сюда прилетел? – спросил себя Айболит и зевнул в кулак. – Лимпопо – адское место, земля воспоминаний».

Значит, ностальгия? Наверное, она. Тоска по простоте и понятности жизни... По времени, когда, казалось, можно полететь не в самолете, а на орле. Когда можно было пришить зайчику новые ножки, чтобы он скакал по дорожке. Когда Бармалей мог исправиться. Когда он сам, Айболит, любил так сильно.

Но все ушло. Прошлое в прошлом, отдыхает на дне болот, истлело в дрожащем от жары воздухе, исчезло, растворилось и пропало навсегда.

Может, в этом все дело?

Или в другом?

«А может, в этом всем нет ни малейшего смысла?» – лениво подумалось Айболиту.

В духоте и спокойствии самолета доктора совсем разморило. Он слушал, слушал размеренный гул моторов и вскоре крепко уснул.

Слава, слава Айболиту!

Слава добрым докторам!

